

Нума Сейка стоял на холме перед вольготно раскинувшимся внизу имперским городом и наблюдал за штурмом. Будучи общепризнанным могущественным воином духа, одарённым стратегом и тактиком, он не пытался вмешиваться в процесс. Зачем? Этот спелый плод давно прогнившего тысячелетнего дерева и без его прямого участия с лёгкостью упадёт в протянутую руку его могучей армии. Пусть солдаты и офицеры покажут себя.

А он, Герой Севера, Освободитель и Собиратель Земель, будет следить за ними — с тем, чтобы карать и награждать.

Ухали пушки. Не имперские. Городские чиновники и вороватые офицеры давно растащили и продали все сколь-либо пригодные стволы и снаряды. Остальные, что сохранились на стенах и в расположении гарнизона, являлись не более чем красивой бутафорией для внушения уверенности недалёкому имперскому плебсу и составления красивой отчётности перед столь же ограниченными вышестоящими начальниками.

Северяне тоже не спешили использовать дорогой, пока ещё не воспроизводимый отечественной промышленностью инструмент войны, приобретённый у торговых имперцев. Такой цели, как нынешняя, хватит и обычных дульнозарядных гладкоствольных пушек, которые в изобилии производились на заводах королевства, а также некоторых казнозарядных, поставленных в качестве опытных образцов. Что, как не настоящие боевые действия, способно выявить все детские болезни нового оружия, ещё недавно запрещённого для войск их страны?

Вот грохнул очередной залп. Артиллеристы кинулись к бомбардам, спеша их перезарядить. Нормативное время выстрела — всего триста пятьдесят секунд. За этот (длинный для казнозарядных нарезных орудий, но смешной для дульнозарядного гладкоствола) срок — требовалось успеть прочистить ствол, забить туда мешок с порохом, придавить его, загнать сверху барабанный снаряд с несколькими заключёнными внутри цилиндрическими осколочными гранатами. Затем расчет должен отскочить от орудия — увы, стволы иногда разрывало, калеча всех вокруг — дожидаясь, когда канонир с силой вонзит раскаленный прут в затравочное отверстие и пушка отправит защитникам очередной горячий привет.

Железо и бронза стволов раскалялись, несмотря на прикладываемые мокрые тряпки, которые, оставь их лежать на снегу, заледенеют спустя какой-то десяток минут. Позиции тонули в едком мареве порохового дыма. Артиллеристы — почти оглохшие и изрядно вспотевшие, несмотря на царящий вокруг мороз, носились словно ошпаренные. Воистину адская работёнка! Но отбоя в желающих не имелось: щедрая плата привлекала новобранцев ничуть не слабее героического

ореола «громовержцев», а всё вместе оно создавало такой поток жаждущих вступить в ряды, что артиллерийские офицеры могли позволить себе придирчиво выбирать лучших из лучших.

Как иначе, если толковый сержант расчёта бомбарды, помимо уважения и не таких уж и туманных перспектив становления младшим офицером, получал жалованье, лишь немногим уступающее таковому у пехотного полусотника? А последний, на минуточку, являлся младшим офицером и — не так уж редко — пусть плохоньким, пусть слабеньким, но всё же воителем.

Сейчас опустевшая стена падёт и в пролом ринется штурмовой полк, натасканный для городских боёв. Не пройдет и получаса, как он возьмёт под свой контроль прилегающую территорию. Карабинеры, мушкетеры, арбалетчики и редкие одарённые стрелки засядут на крышах, копейщики и мечники в отличных доспехах и под предводительством воителей-офицеров перегородят улицы рогатками, засядут за ними. Отбивая атаки растерявшихся осаждённых, они легко продержатся до подхода основных сил победоносной армии Севера.

Главные же отряды войска Сейки, проникнув за стены и построившись уже по ту сторону, начнут, словно новомодная паровая машина, продвигаться вглубь города. Встретив не поддавшийся сходу очаг сопротивления, они остановятся, чтобы окружить его со всех сторон и с неумолимой неспешностью сжать в могучих тисках. До хруста вражеских костей. Планомерно, без риска и лишних потерь, словно хорошо отлаженный механизм промышленного пресса.

Хотя вряд ли подобные очаги возникнут. Трусливые и мягкотелые имперцы либо бегут с его дороги, как напуганные шавки, либо до последнего не верят, что их отважатся штурмовать. Вон как редко растянулась цепь обороняющихся по всей стене — явно наблюдается недостаток солдат. Очень сомнительно, чтобы у них остались серьёзные резервы.

Одно слово — имперцы! Подлые, жадные и трусливые ничтожества, которые, даже стоя на пороге смерти, не способны забыть о внутренних распрях, а также о жажде наживы и низменных удовольствиях.

Он — Герой Севера и его владыка. Но одновременно он защитник и преданный слуга своей Родины, который ради победы готов положить и свою жизнь, и множество чужих. Ибо если проиграет он, то и его Север — страна сильных, гордых и суровых воинов — просто исчезнет! Нет цены, которую можно счесть слишком большой, чтобы избежать такого исхода.

Он слышал, что по их души направили Эсдес — уроженку этой земли, ставшую на службу сопливому, умственно отсталому мальчишке-Императору и его премьер-министру — мерзкому тупому жирдяю Онесту. О Ледяной Смерти ходили разные слухи, преимущественно мрачные и алые от крови... но Сейка не боялся. Он и сам могущественный воитель, пусть и без этих подлых имперских артефактов, а за ним — одна из лучших и крупнейших армий ойкумены. Он разобьёт имперских карателей.

Потому что ему есть за что сражаться, а им — нет!

Если падут славные аристократические семьи, что не смирились с подчинённым положением родины даже спустя много поколений, то остальные просто склонят головы и на долгие-долгие годы забудут о сопротивлении, постепенно растеряв последние крупницы живущей в них силы и гордости истинных сынов Севера! Про чернь же можно и не вспоминать. Подлые людишки Севера мало чем отличаются от сервов Империи. У них нет гордости и того возвышенного чувства патриотизма, что горит в сердцах лучших людей его королевства.

Да... падёт он, падёт и весь Север, а за ним падёт весь альянс, сформированный внешними и внутренними врагами Империи. Слишком много сил вложило его королевство в эту попытку вылезти из рабского зиндана. И если исчезнет Свободный Север, то мир станет хуже. Намного хуже. Сейчас существует хоть какая-то сила, способная сдерживать аппетиты имперцев. Он, хитроумные западники, диковатые южане, даже повстанцы внутри самой Империи. Они разобщены и часто лелеют планы о том, чтобы предать союзников первыми — но пока враг не пал, они в одной упряжке, ведь без них имперская гниль пожрёт всё.

Да, одна мысль о подобном вызывает омерзение. Весь мир превратится в такую же стервятину*, как их Столица — лживая и подлая клоака, попирающая все божьи и человеческие законы.

/*Если кто не знал, то слово «стерва» обозначает отнюдь не роковую женщину, а тухлое мясо (отсюда, например, падальщик = стервятник), и раньше носило строго отрицательную коннотацию. Тут оно использовано именно в изначальном значении ака «падаль»./

Глупцы без устали твердят ему, что нельзя нападать на этого покрытого червями и мерзкими язвами подыхающего колосса. Говорят, что нужно до поры склонить голову и ждать, пока он падёт и рассыплется сам. Говорят, что иначе мир может постигнуть страшная война, мало уступающая той, во время которой это порождение демонов преисподней — Первый Император — огнём и мечом утверждал свою власть. Однако пусть нынешняя Империя

смертельно больна, она, на беду соседних народов, всё ещё достаточно велика, чтобы длить свою агонию веками, медленно вытягивая соки из окрестных земель, а взамен заражая их своими гибельными миазмами.

И если лишь такой ценой можно спасти мир от пламени новой мировой войны, то какой смысл в спасении подобного мира? Лучше умереть с честью, словно гордый орёл, напившись свежей горячей кровью врага, чем, будто трусливый ворон, веками питаться падалью. То, что Империя называет «цивилизацией» — ничто иное как возведение в абсолют своего «я». Абсолютная гордыня, что заставляет верить, будто в мире существует лишь одно настоящее государство, одна настоящая Империя с единственной в мире Столицей, а вокруг них — лишь «примитивные племена».

Оскорбляющее небеса тщеславие, густо замешанное на низменных желаниях.

Чем запретнее порок, тем он сладостней для имперца. Всё, что делает имперец, должно набивать его кошель, которым он оплачивает все и всяческие низменные радости, которые приходят в его извращённое сознание. А тот, кто подобными «радостями» брезгует, объявляется «не доросшим до истинной цивилизации дикарем и невежей». Эти свиньи сохранили от тирана древнего мира и выстроенной им системы угнетения только худшее! Да еще и приумножили! И его долг стать тем, кто сожжёт вонючий свинарник ко всем демонам и тварям!

Не без выгоды для себя и своего королевства, разумеется.

Слава Северу! Слава свободе! Слава ниспровергателям жестокого древнего дракона!

* * *

Под стук копыт и скрип снега процессия из полусотни вооружённых всадников и пары саней двигалась по заснеженной дороге.

— Эй, Куроме-чи! — подъехал поближе ко мне наш шутник. — Ну и в чём прикол, по такому

холоду срываться в какую-то там деревеньку? Ещё и снег начался. Попадать в метель — это не круто! Если уж тебе так приспичило, слетали бы на твоём Коврике. Быстро и с комфортом.

— Ты так говоришь, будто я тебя насильно тащила, — щурясь на летящие в лицо снежинки, отвечаю ему. — Сразу ведь сказала, что ничего прям интересного, скорее всего, не будет. И кто не хочет, может не ехать. И да, я бы тоже предпочла добираться по воздуху, но глава наших проводников оказался против. Ты сам слышал.

— Могла бы и заставить, — проворчал парень.

— Ага! — киваю с сарказмом. — Загнать вооружённую толпу боящихся высоты солдат на не такого уж и большого ската, а потом переругиваться с армейцами за тех, кто с испугу выпал или выстрелил в соседа. Ещё и журналистов с фотографом и его аппаратом нужно к ним засунуть для полного счастья! Чтобы поездка окончательно превратилась из полезной для нас в балаган и источник проблем, угу. Отличный план, Кей! Точный, как хорошие часы!

Кей хотел что-то ответить, но был вынужден уклоняться от просвистевшего мимо снежка. Запустившая снежный снаряд Сена, что для этого спрыгнула со своего скакуна, а потом, пробежав несколько метров на своих двоих, заскочила обратно, весело рассмеялась:

— Вот ты и попался, подлый агент северян!

— Наглая ложь и клевета! — воскликнул юморист. — Я верен Куроме-чи до смерти!

— Да? А почему ты тогда ноешь, как капризная девчонка, и пытаешься предлагать провальные планы, — с нарочитым подозрением прищурила свои фиолетовые глаза девушка.

— Поклёп! Просто мы с Акирой-тян уже почти помирились. А потом Куроме-чи сказала про эту поездку и моя вредина аж прямо из постели выпрыгнула! — с ненаигранным возмущением воскликнул парень. — Я ведь не железный! Из-за твоего, — шутник некультурно ткнул пальцем в Сену, — розыгрыша (признаю, остроумного), — заметно изменив тон, он уважительно кивнул, — но безжалостного и жестокого, бедный я насильно принял целибат! Уже, считай, две недели

терплю! Ты знаешь, как это вредно?! — возопил он, привлекая внимание скачущих рядом солдат. — Многострадальный я лишь пытался предложить самые быстрые методы решения задачи. А ты, вместо того, чтобы помочь, осыпаешь страдающую натуру обвинениями! Беспочвенными! — патетичность юмориста была достойна третьеразрядного театра с безбожно переигрывающими актёрами.

— Ещё я стану тебе помогать с такими проблемами! — фыркнула Сена. — Ты мужчина или кто?! Возьми уже решение в свои руки... сожми натруженную, мозолистую и волосатую ладонь, ну, а дальше ты всё и сам знаешь. Или мне и это объяснить?

Зрители, что поначалу ограничивались усердно скрываемыми улыбками и маскируемыми покашливанием смешками, дружно загоготали. Парочка клоунов, что затеяла это представление, естественно, от такой реакции окружения не смутилась. Наоборот, эмпатия доносила их довольство и веселье.

М-да. Возможно, я поторопилась, когда просила двух самых общительных моих подчинённых успокоить солдат и наладить с ними мосты — изрядно встревоженными и даже напуганными соседством с десятком могущественных воителей, да ещё и из боевого крыла столичного отделения Службы разведки с «прекрасной» репутацией данной структуры. То есть возложенную на них задачу они выполняют, пусть и в своеобразном экстравагантном стиле — эмпатия не даст соврать, окружающее нас напряжение начало ослабевать, уступая улыбкам, смешкам и шуточкам — но я бы предпочла, чтобы парочка любителей подколок занималась этим в ином месте, не рядом со мной.

А если сюда подтянется и Акира, то балаган может выйти из-под контроля. Да и отношение к нашей команде, как к кучке клоунов, меня устраивает ничуть не больше, чем страх и недоверие к «отмороженным непредсказуемым карателям».

В общем, разгоревшуюся пикировку увлékшейся парочки соперников за титул Мастера шуток пришлось прервать и немного «застроить» — отчасти показательно — подчинённых. Впрочем, учитывая усилившийся снегопад, они бы и так успокоились. Неудобно вести «шутко-битву», когда в рот и глаза летит замёрзшая влага.

«Надеюсь, выглядывающее из-за облаков чистое небо не вводит нас в заблуждение, и ненастье действительно скоро рассосётся, а не перерастёт в метель», — подумала я, натягивая шарф на лицо.

Мороз и ледяной ветер не могли угрожать воину духа простудой или обморожением, даже если одеться не по погоде, но и удовольствия они тоже отнюдь не доставляли. А ещё снег мог засыпать жертв нападения банды северян, не говоря уже о следах, которые надеются отыскать наши вооружённые спутники. Хотя... нам ещё далеко ехать, может, в точке прибытия никакого снегопада и не будет.

А вообще, затея лейтенанта Гера — отчего-то весьма злого на разбойников — с поиском следов и преследованием преступников, как по мне, с точки зрения установления спокойствия малополезна. Не потому, что их точно не удастся найти, а по причине иллюзорности пользы данного действия. Если бандитов мало, то подобная группка не имеет особого значения — скоро делишки разбойников затеряются на фоне настоящих сражений. А если много, то полусотня егерей их просто не осилит, несмотря на всё желание их командира.

Можно вспомнить про фактор моей команды, что вполне себе компенсирует недостаток сил; но о том, кто мы такие и чего хотим, Гер узнал, считай, в последний момент.

С точки зрения предотвращения и пресечения таких вот казусов проще и лучше было рассадить по поселениям небольшие группы конных гонцов и расположить в нескольких равноудалённых гарнизонах хорошо вооружённые группы быстрого реагирования. Или можно сэкономить, оставив только почтовых птиц, без гонцов в качестве подстраховки. И пока ополченцы — да, их «высокопрофессиональные» местные власти тоже не организовали, побоявшись раздавать народу оружие, ибо ранее много доброго тому народу сделали: не загладишь, не сотрёшь — будут сдерживать атаку, оповещённая об атаке кавалерия доскачет до места происшествия и разматает злодеев.

В принципе, такая расстановка и после начала настоящих боевых действий будет полезна. Северяне вполне себе знают и уважают тактику диверсионно-разведывательных групп. Но... ни в Скаре — центральном городе провинции — ни в городах поменьше это никому не нужно. А мелкие поселения просто не имеют достаточных ресурсов и вынуждены в большей степени полагаться на «авось пронесёт» или своих собственных бойцов и гонцов...

На чьи сигналы обычно реагируют с фатальной медлительностью.

Не потому даже, что всем плевать, а потому, что по установленному порядку сигнал должен поступить в полицию, потом от полицейских уйти в администрацию, затем от администрации к регионалам, а потом поступить к находящимся несколько наособицу от региональных войск егерям. Сразу бежать по нужному адресу нельзя, как и немедленно реагировать на

пришедшую не по регламенту информацию. Ибо нарушение, за которое могут серьёзно наказать.

Да, бред — но таковы правила, которые никто не торопится менять. Плевать, что местную дорожную полицию реформировали, ограничив подведомственную ей территорию ближними окрестностями приграничных городов, а на патрулирование дальних поставив егерей. Положено по регламенту обращаться именно в полицию? Положено. Значит, обращайтесь!

Что тут сказать? Прекрасная картина того, как хорошая в принципе задумка — дорожная полиция против настоящей армии (или подозрительно хорошо вооружённых «бандитов») не потянет, а более многочисленные и хорошо подготовленные (в теории, ага) егерские подразделения должны показать себя лучше — под влиянием бюрократии и наплевательского отношения чиновников необратимо превращается в «тыкву».

Штат егерей — не таких уж и многочисленных для выполнения всех возложенных на них обязанностей — никто не расширил. Это если говорить о рядовых, унтерах и младших офицерах. Новые должности для больших штабных начальников, естественно, ввели едва ли не до того, как реформа вступила в силу. Как нужно исполнять новые обязанности — рядовых и младших командиров никто не учил, только уставы дорожных полицейских приказали изучить... без необходимости сдавать хоть какие-то зачёты. Снаряжение и вооружение осталось старое. И далее, и далее, и далее.

Зато по ушедшим в Столицу бумагам всё прекрасно и великолепно.

Ур-роды!

По этому поводу нам ещё предстоит пообщаться с местными представителями имперской армии и разведки. Хотя... разборки с провинциальными отделениями — не более чем попытка избавиться от сорняков, дёргая исключительно «вершки» и игнорируя развитую «корневую систему». Тут стоит отправляться сразу в центральное управление по региону... что займёт слишком много времени и сил, чтобы лететь туда прямо сейчас. Да и информации на местах нужно собрать побольше. А то, боюсь, нас, со всеми имеющимися мандатами, всё равно сумеют послать. Вежливо и ссылаясь на множество «очень важных» причин, но форма сути не меняет.

Возвращаясь к нашей поездке: в этот раз власти тоже «оперативно отозвались» спустя сутки. Хотя в сравнении с обычной скоростью реакции это действительно быстро. Впрочем, эту заслугу вряд ли можно присудить бюрократам, у которых внезапно проснулась совесть: бумагомараки начали нормально шевелиться, перестав вставлять палки в колёса пребывающих в готовности егерей, лишь когда столичные гости в нашем лице проявили активную заинтересованность в происходящем.

И то, некоторые представители чиновничьей братии пытались отвлечь нежелательное внимание от «мелкого разбойничьего нападения» до тех пор, пока я не внушила им, что от помощи нам можно поиметь репутационную выгоду, а если мешать — получить скорые и неиллюзорные проблемы. Но даже так парочка особо одарённых умников решила продемонстрировать дополнительное рвение и своей дурной инициативой, а также «начальственными наставлениями» подкинула дополнительной головной боли и так задёрганным егерям.

И добавила причин для настороженного отношения к столичным воителям, угу.

Хотя мне «славы» не жалко: раз уж наши планы совпадают с планами желающих попиариться чинуш и старших офицеришек (офицерами я этих воняющих перегаром ленивых пузанов называть не буду) региональных войск данного городка — как же?! Ведь сначала про них напишут в газете, а потом столичные гости упомянут преданных Империи «героев» в своих докладах! — то и мнение своё оставим при себе.

Пока.

К тому же, учитывая размеры деревни — вполне немаленькой, на несколько сотен жителей — если нападавшие действительно вырезали всех, то такую большую банду требуется ликвидировать даже без учёта наших сопутствующих планов на данную отчасти ознакомительную поездку.

Ознакомились, м-да...

Даже несмотря на приближающуюся угрозу войны на территории Империи, военные и гражданские чиновники единодушно проявляли дивное, кхем, бесстрашие. И желанием не то

что впрягаться в работу, но даже более активно шевелиться — мягко скажем, не горели. Нет, существовали те, кто пытался что-то делать, как собственными усилиями, так и сообща с единомышленниками — однако эти исключения относились к средне-нижнему составу администрации или вообще являлись обычными горожанами/крестьянами.

К обороне никто не готовился, склады не заполняли, шастающих по лесам подозрительных личностей если и арестовывали, то лишь таких, которые точно не способны дать сдачи. Вроде тех же крестьян, решивших разнообразить стол дичиной или увеличить запасы в преддверии трудных времён, ага.

Разбойников большинство егерских команд предпочитают просто отпугивать. Как гласит гениальный приказ непонятного авторства: «Для сбережения боеприпасов и личного состава». Хотя патронов действительно не хватало, да и наличное оружие не блистало качеством. То есть чрезмерно осторожные командиры ниже-среднего уровня поступают верно. Меня скорее возмущают старшие и высшие офицеры, которые вместо того, чтобы озаботиться налаживанием нормального снабжения, спускают вниз такие «мудрые» приказы. Чего уж! Если разбойников много — а нападения больших банд уже происходили — местным воякам вообще предписывается сидеть тихо-тихо, словно мыши под веником. «А то как бы чего не вышло».

К чему такое поведение может привести в не слишком далёком будущем, почти никто из разного рода начальников не задумывался. А тем, кто задумывался и пытался сказать — дружно затыкали рот.

Странно это. И пахнет изменой.

Но будем надеяться — увы, верить не получается — что местная власть не сплошь кучка предателей и/или слепо-глухо-немых идиотов, которые отмахиваются от угрозы (скорее неизбежного факта) вторжения северян, а хитрецы с секретным планом, что лучше меня понимают ситуацию и готовятся сделать свой ход. Ведь даже войска Эсдес, которые по определённым причинам двигаются далеко не так быстро, как рассчитывалось, подойдут к границе совершенно с другой стороны. Таким образом, даже в том случае, если Ледяная Смерть станет продвигаться вглубь территорий Северного королевства со скоростью двадцать километров в день, то северяне успеют полностью захватить и сжечь всю провинцию.

Нет, не так. Когда Эсдес начнёт давить северян на своём участке фронта, они перебросят войска на иные направления, в том числе и на наше, восточное. Ведь когда Ледяная Смерть

продвинется вглубь территорий Северного королевства, войска Сейки смогут обойти её силы с фланга и сначала обрезать снабжение, а потом ударить в тыл. Не поручусь за детали, но если говорить об общей стратегии, то данный манёвр напрашивается сам собой. Как бы повелительница льда и хлада ни была сильна, присутствовать сразу во многих местах она не сможет, а значит, пока она будет побеждать на одном участке, северяне разобьют местных недоармейцев на десятке иных.

Вдребезги и пополам.

Разумеется, победить «хромого слона» Империи «агрессивная моська» вражеского королевства не сможет никак: всё же ресурсы и военные силы двух стран несопоставимы. Но доставить кучу проблем, дестабилизировать внутреннюю обстановку, подстёгивая революционное движение и тем самым подготавливая почву для вторжения Западного государства — вполне. С такими-то беспросветно бесстрашными и бессмертными чинушами!

То, что Онест плетёт вокруг Севера свои интриги, отнюдь не означает, что этим же не заняты и иные заинтересованные силы.

Собственно, Сайкю меня сюда и прислал, дабы избежать негативных для него и Империи сценариев. У главы разведки имеются какие-то общие дела и договорённости с местными элитами, а потому министр не желает лишаться этих активов. Будто я смогу сдерживать целый фронт!

Блин, да сюда нужно не две группы Отряда посылать, а вообще всё боевое крыло разведки! И большую группу следователей с расстрельной командой.

И то маловато будет!

Впрочем, в свободе действий и передвижений я не ограничена, подчиняться местным не обязана (в устном пожелании Сайкю «По возможности прислушиваться к нуждам губернатора и лучших людей», — ключевым словом являлось «по возможности»), так что постоянно гоняться за мелкими местными бандами меня никто не заставит, как и воевать в лоб. А что сделать, дабы убрать силы врага с линии боевых действий, не вступая с ними в прямое противостояние, я уже обдумывала. И даже придумала кое-что небанальное.

Однако то, что местные не имеют права отдавать мне приказы, не означает, что они не попытаются прогнуть главу залётной группы. Это тщательно просчитанных, хитроумных ходов от них ждать не приходится. В отличие от идиотских, да. Особенно учитывая, что именно в центральный город провинции приплыл сопровождаемый небольшой флотилией корабль с «доблестно просравшим все полимеры» имперским наместником на территории Северного королевства и его «храбро удравшими», бросившими всех и вся генералами.

Чувствую, скоро я буду вспоминать нынешнюю поездку и предшествующую ей нервогрёпку с ностальгией.

* * *

Сводный отряд медленно шел через деревню, но (к своему удивлению и настороженности) не мог обнаружить ни одного живого жителя, трупа или даже скотины. Никаких следов крови — хотя тут, возможно, виноват слой всё-таки выпавшего здесь снега, что тонким белым одеялом укрыл все отпечатки происходившей на улице драмы — однако везде виднелись отметины погрома. Пожарища тоже отсутствовали: видимо, нападавшие не хотели привлекать внимание столбами дыма и не стали жечь поселение. Командир егерей, что с каждой минутой хмурился всё сильнее, коротко приказал своим подчинённым прочесать деревню и её округу.

Угрюмость лейтенанта Гера было нетрудно понять: трупов нет, но вряд ли жители откупались от разбойников скотом и на радостях решили набиться в один дом (в который несколько сотен человек не влезет), устроив там весёлые танцы. Или, скажем, все вместе собрались прогуляться на освежающем морозце — почти тридцатиградусном, ага. Да и добравшийся до города выживший гонец, что сообщил о нападении, когда расписывал зверства северных душегубов, выглядел довольно убедительно. Поэтому уцелей здесь хоть кто-то из местных, по округе непременно разносился бы горестный плач.

Мы с ребятами предпочли остаться рядом с офицером: потенциальных засадников (и живых вообще) я в близлежащих домах не чувствовала, а бродить по территории поселения... зачем? Пять десятков глазастых мужчин в любом случае отыщут интересное достаточно быстро, а значит, и напрягаться не стоит. Лучше скушать печенюку или конфету, они на таком морозе очень забавно хрустят на зубах.

Зато оживлённо переговаривающиеся репортёры с готовностью составили осматривающим дома солдатам конкуренцию. Конкуренцию, а не помощь — потому что искали не улики и следы, а фактурный материал. Впрочем, особенными успехами похвастаться не смогли ни те,

ни другие. Максимум внутри домов находились следы погрома и подсохшие/подмёрзшие лужицы крови.

Главная находка — как и основная, хм, фактура — ещё ожидала нас за пределами деревни.

— Может, их в рабство утащили? — беззаботно закинув руки за голову, поинтересовался Кей.
— На северо-востоке горцы это очень уважают. Мужчин — в рабочие рабы, девушек посимпатичнее — в сексуальные. Лишних и буйных — ножом по горлу и на обочину. Не?

— Скотину могли увести, но в рабство у нас берут редко, — покачал головой лейтенант. — Чаще грабят. Хотя в последнее время эти новые разбойники из северных племён совсем озверели, — мужчина, который и сам вырос в подобной деревне, подавил рвущийся из уст злой мат и просто, скривившись, сплюнул под ноги. — Не только «шерсть состригают», мужиков бьют и девок насильничают, но и режут всех без разбора.

— Ай-ай, какие кровожадные! — усмехнувшись, покачал головой юморист, что явно собирался ляпнуть нечто в своём стиле. — А они сначала насилуют и потом режут или...

— Лейтенант Гер! Лейтенант Гер! Там! — перебил Кея громкий голос подбежавшего к офицеру рядового. — Они там! Мёртвые! Все! — выдохнул часто дышащий боец, выпучив глаза и обдав всех окружающих вырывающимся изо рта паром с сильным запахом лука.

Сглотнул и добавил как-то совсем беспомощно:

— Даже бабы с дитятами...

— Веди, — приказал заигравший желваками мужчина и бросил короткий вопросительный взгляд на нас с ребятами.

— Идёмте, — отвечая на безмолвный вопрос, скомандовала я своим. — Посмотрим, что там

устроили местные головорезы.

* * *

— Выродки, — сглотнув ком, выдохнул Гер, глядя на картину, открывающуюся на фоне заросшего молодым лесом заснеженного берега замёрзшей речки. — Какие же выродки! Даже зверьё так не делает, — кулаки, затянутые в кожаные перчатки, сжались, рельефно очерчивая костяшки.

Там, на небольшом наскоро вырубленном и вытоптанном пустыре, виднелись ряды тонких и не очень деревьев — частично превращённых в колья, частично (если они оказывались слишком толстыми) просто освобождённых от веток, чтобы к ним было удобнее привязывать людей. И, естественно, ни одно из них не пустовало. На длинных деревьях-колях, которые, очевидно, сначала гибались, а потом отпускались с насаженными на оструганные верхушки людьми, словно бабочки на иглах коллекции энтомолога, сидели селяне. В основном мужчины с изуродованными предсмертной мукой заледеневшими лицами.

У многих были отрезаны гениталии. Видимо, палачи желали их дополнительно унижить.

Участь остальных, впрочем, тоже не выглядела завидной: тех, что не посадили на кол, в большинстве лишили зимней одежды, привязали к деревьям — часто по несколько человек к одному — и облили водой из близлежащей проруби. Люди жались друг к другу, пытались хоть как-то сохранить остатки тепла, но учитывая мороз за двадцать градусов и ветер... понятно, чем всё закончилось. Может, смерть от холода и предпочтительнее знакомства задницы и всех вышележащих органов с острой палкой, но она всё равно остаётся весьма мучительной.

Детей живодёры тоже не жалели, даже самых маленьких обделили хотя бы быстрой и безболезненной смертью. Наоборот, не так уж и редко ими пользовались, дабы доставить родителем ещё немного страданий, истязая и зверски убивая на глазах мучающихся матерей и отцов. Некоторых, судя по синякам и следам крови на внутренней стороне бёдер, насиловали.

«И кого смогла возбудить эта семилетняя девочка? — с печальным недоумением хрустнула я печенькой. — Или тот младший мальчуган, что, похоже, умер во время процесса надругательства над ним? Интересно, они их после изнасилования сюда притащили или

делали всё прямо здесь, наплевав на мороз? И... что с промежностью у этой избитой девчонки?» — я прищурилась, глядя на ту, кого с виду можно назвать почти моей ровесницей.

Голая избитая девочка лет двенадцати валялась посредине дороги. Поворошив ногой тонкий слой снега, я увидела под телом лужицу замерзшей крови. Слишком уж небольшую для столь истерзанного тела.

«Ага, значит, всё-таки принесли сюда. — Что касается самого трупика, то передние зубы отсутствовали, один глаз выколот, незрелая грудь, едва прикрытая ледком и позёмкой, несла отчётливо заметные сквозь ненадёжный покров следы ожогов и порезов, а анальное и вагинальное отверстия представляли собой изрезанный в лоскуты фарш. — Ей, что, меч туда пихали? Больные извращенцы, — покачала я головой. — Не лучше южных дикарей. Хотя по одному пункту всё же лучше: человечину не жрут».

Разогнав разум, дабы не тратить лишнее время, я внимательнее изучила следы на теле и пришла к выводу, что девочку мучили в несколько этапов: сначала избили, потом стали пытаться, и лишь в конце надругались противоестественным образом. Такая жестокость к строго определённой особе не проявляется на пустом месте. Видимо, этот почти ребёнок — или кто-то из её родных — умудрился достаточно навредить уродам, дабы они так разошлись.

Хочется верить, что навредила им именно девочка, а также в то, что она смогла забрать с собой хотя бы одного из нападавших. С врагом, утянутым за собой к костлявой, умирать легче. Наверно. Надеюсь.

«Покойся с миром, юная воительница, — мысленно произнесла я. — Раз уж мы здесь, то твоим убийцам тоже недолго осталось», — с этой мыслью я отвернулась и пошла дальше, изучать оставшиеся виды.

На изнасилованиях, колосажании и убийстве холодом «славные победители беззащитных» не остановились. С кем-то поступали с претензией на психологическую пытку. Как, например, с той достаточно симпатичной крестьянкой, молодой матерью в порванном платье со следами крови на юбке. Девушку привязали к отдельному дереву и дали в руки младенца, а потом облили обоих водой. Бедняжка так и умерла — в тщетной надежде согреть и защитить своего ребёнка от смертоносной стужи, крепко прижав к себе маленький комочек жизни. Ледяная статуя из замёрзших насмерть матери и дитя словно олицетворяла надежду на явление заступника, который спасёт хотя бы ребёнка.

Тщетную.

Ведь нападение произошло ещё вчера утром. Пока спасшийся житель деревни добрался до города, пока его мурыжили полицейские, пока ответственные чесали в затылках, пока донесение путешествовало по инстанциям... Если бы не появление нашей команды и хороший пинок под толстые ленивые задницы, то сомневаюсь, что отряд успели бы собрать даже на следующий день.

И всё равно мы опоздали. Просто не могли успеть. Никак.

Нерадостно вздохнув, качаю головой. Мне частенько приходилось видеть вещи и похуже, но, даже несмотря на обильный печальный опыт, данная удивительно фактурная, обладающая некой больной красотой картина смогла царапнуть что-то внутри. Я молчала, молчали и ребята, что, глядя на лидера команды, тоже решили почтить мёртвых минутой молчания. Сохраняли тишину и обступившие округу солдаты с журналистами. Каждый рассматривал перекошенные от ужаса лица, причудливые позы мертвецов — и медленно пытался переварить то, что он видел.

Мало кто из нормальных людей осознаёт, какие порой выродки ходят по одной с ними земле и дышат одним и тем же воздухом. Даже умозрительное знание из газетных статей не даёт настоящего понимания, что сейчас смотрело на нас множеством заледеневших лиц, искажённых от физической и моральной муки.

Понятно, что наблюдаемое нами — не более чем акция устрашения, что является одним из методов психологической войны. Мы с ребятами видели множество таких. Или даже устраивали некоторые. Без изнасилований и вот этого вот всего, просто с тотальной зачисткой поселений и аккуратно уложенными в кучу/фигурно разбросанными кусками тел. Грязная и грустная проза тайных и открытых войн. Тем не менее лицемерие мучительной гибели, снизошедшей на ничего не подозревающих мирных людей просто потому, что кто-то решил отжать у соседей немного ресурсов и не побрезговал такими вот методами... удручало.

Не люблю бессмысленную жестокость. Нужно убить? Убей. Потом можно даже изуродовать тела для большей наглядности, особенно если прикажут. Но зачем измываться над совершенно непричастными мирными пейзажами и их детьми? Жалкие, презренные людишки эти мучители. Небось, как начнёшь их самих за гениталии подвешивать без лишней спешки — завизжат свиньями, слюнями забрызгают сверху донизу, спеша вымолить пощаду...

— Да не запятнает душу мою хладная тьма, да не дрогнет рука... — разорвала тишину тихая молитва одного из стоящих неподалёку солдат. — Да не потухнет пламя святой ярости в сердце... Да не ослабеет рука, да направит её воля божья...

Ещё чуть дальше застыл один из помощников приглашённых нами журналистов. Карандаш и планшет для бумаг выпали из его рук, а спустя несколько секунд он сел на землю, стянув с головы меховую шапку. Другой резко направился за деревья.

— За что? Что им сделали дети и женщины? Так ведь не бывает... — бормотал первый, пока второго тошнило. — Это не люди! Звери, настоящие звери...

Кей, увидев, что минута молчания закончилась, тоже решил подать голос:

— Эй, фотограф! — задорно воскликнул наш весёлый социопат, ничуть не смущённый видами и гнетущей обстановкой. — Тащи сюда свою бандуру! Тут классный кадр для статьи о злобных северянах пропадает! Да не смотри ты на эту жертву фанатов гурятины, — замахал он более опытным и оттого стойким журналистам, которые с бледными (а некоторые и позеленевшими) лицами уставились на труп бедной девочки. — Такое ваша газетная цензура ни в жисть не пропустит! К мамочке с младенцем иди! — сказав это, Кей начал ходить вокруг, выискивая наилучший ракурс для фото.

— Что за бесчувственный парень? — тихо, себе под нос произнёс лейтенант Гер, который, судя по донёвшимся до меня эмоциям, хотел добавить словечко покрепче.

И уже громче, обращаясь к своим подчинённым:

— Что раззявились, остолопы?! Нильс, Хонг! Вы со своими отделениями прочешите округу и найдите дорогу, по которой ушли эти твари. Посмотрите следы и прикиньте, сколь их было. Вайс, вам с десятком — заняться телами. Снять и сложить рядом. Мы должны предать их земле. Ву, Стилл, на ваших солдатах рытьё общей могилы. Инструмент возьмёте в деревне. Выполнять!

Раздав команды, лейтенант снова замолчал и, как-то осунувшись, начал безмолвно скользить взглядом по мертвецам. Снова и снова, запоминая. Видимо, его, как уроженца деревни (не этой, но всё же), произошедшее задело особенно сильно.

Пусть мужчина, задавая свой риторический вопрос относительно нашего шутника, не рассчитывал, что он будет услышан, я всё же решила ответить, тем самым помогая человеку отвлечься и начиная полезный мне разговор:

— Кей от природы такой, — издаю хмык. — Но вообще, во многом в нашем спокойствии виновата специфика службы, — продолжаю повествовать развернувшемуся на голос офицеру, который молча упёрся пустоватым взглядом в мою переносицу. — Враги нашей страны зачастую далеко не такие героические борцы с имперскими угнетателями, каковыми их рисует оппозиционная пресса. Схожие картины не внове для тех, кто часто сталкивается с последствиями развлечений, скажем, «свободолюбивых южных племён». Впрочем, должна заметить, они обескураживают только первые несколько раз. Потом привыкаешь. Раза после десятого подобное уже не вызывает особого отклика. И, судя по вашей реакции, для ваших краёв это отнюдь не норма. Раньше бандиты так не лютовали, верно?

— Верно... — моргнув, машинально ответил офицер, но потом, встряхнувшись, стал изъясняться несколько увереннее. — Этот северный дьявол Сейка, это всё он! Видать, сговорился с племенами дикарей и пригнал их на границу, чтобы эти звери тут бесчинствовали и пугали народ! А он как бы и ни причём! Герой Севера, с-сука! Тварь он, тварь подлючая!

«Ну да, — соглашаюсь мысленно. — Не одна я такая умная, что догадалась применять местных дикарей в своих интересах».

То, что наименее враждебную к официальной власти часть племён и кланов использовали и сами северяне, указывает не на их «подлость», а на вполне себе смекалку с дипломатическими талантами. Ибо действительно: чем бороться с дикарской проблемой самостоятельно, отвлекая часть войска и тратя жизни солдат, проще и полезнее эту проблему использовать, оказав минимальное содействие и направив на Империю — «богатую, но прогнившую, а оттого слабую».

С одной стороны, снизится угроза для тылов: ведь варвары будут нападать на приграничные поселения нашей страны; да и нагрузка на имперскую армию вырастет, опять же. А с другой — даже если всех этих уродов перебьют, аристократии и гражданам Северного королевства только лучше станет. Вольней и спокойней.

Это даже забавно: я не хочу распространять «Джокер» по ключевым городам севера, опасаясь треша, угара и содомии, которые безумцы устроят гражданским, а отмороженные разбойники из племён действуют так, будто их в детстве купали в котлах с этой гадостью. Полагаю, в случае успеха кампании Сейка надеется на обратном пути окончательно решить вопрос отбитых и своевольных племён. По крайней мере тех, которые сидят не слишком глубоко в горах. Те, что оказались столь наивны, что поверили посулам — и вовсе окажутся уничтожены.

Вне зависимости от того, кто победит: имперцы ли, северяне ли.

Касаемо возможных планов наших врагов, то, если действовать достаточно продуманно, а также правильно всё подать, войска северян на этом даже сумеют заработать очки репутации: «Империя не смогла справиться с бесчинствами разбойников, а Сейка пришёл и навёл порядок», — и так далее.

Стоит подумать, как разбить данный временный союз пораньше и на наших условиях.

Пока я предавалась размышлениям насчёт будущих шагов, мой собеседник залез рукой за отворот куртки и, достав оттуда небольшую фляжку, сделал оттуда щедрый глоток. Скривился, шумно выдохнул, с сомнением посмотрел на сосуд с крепким алкоголем, а после, мысленно плюнув, присосался более основательно. Через некоторое время, после паузы, которая потребовалась мужчине, дабы согнать напавшее на него оупение, отдышаться и, спрятав опустевшую фляжку, собраться с мыслями, он продолжил:

— Вы так молоды — и так легко говорите об этом леденящем душу пиз... ужасе, — проговорил офицер, в последний момент сдержав ругательство, после чего окинул меня странным печально-задумчивым взглядом. — Но это не моё дело. Не провинциальному лейту лезть в дела властей и воителей. — Он тяжело вздохнул и, отвернувшись, устремил невидящий взгляд в небо. — Никогда не понимал смысла такой жестокости. Чем наши имперские крестьяне обидели этих северных варваров? Они такие же, как те, что пашут землю Северного королевства. Если им так ненавистна наша страна, то почему они не присоединились к войскам Сейки напрямую, чтобы воевать с нашей армией, а, словно подлые лисы, нападают на беззащитных?!

— Я заметно старше, чем выгляжу, — отвечаю ему, посторонившись с дороги Кей Ли и ведомого им фотографа с зеленовато-землистым лицом. Судя по донёсшемуся от того специфичному запаху, несчастного оператора фотокамеры тоже недавно тошнило. Зря он не послушал Кея и решил присмотреться к жертве любителей гуро. — Что касается причин

жестокости конкретно этих разбойников... полагаю, всё как всегда. Виноват страх.

— Страх?! — привлекая внимание окружающих, воскликнул мой собеседник. — Они творят это из-за страха?!

— В том числе, — усмехаюсь. — Нападают на крестьян, а не на аристократов ваши разбойничьи племена точно из-за него. Это ведь бандиты, а не регулярные войска. Да и изуверства... Изредка рождаются те, кто от природы не видит в убийстве себе подобных ничего дурного. Но их мало, от силы пара процентов от общей популяции. Да и жестокость их не такая, хм, истеричная. Есть маньяки, но их ещё меньше. А остальные — да, жертвы собственного страха.

— Ха, жертвы! — с ожесточением воскликнул кто-то сзади. — Северные уёбки. Попадись они мне, я б им показал жертв!

Лейтенант свирепо глянул на матершинника, после чего обратился ко мне:

— Не обращайтесь внимания, госпожа Куроме, тяжёлая обстановка заставляет солдат терять сдержанность. Пожалуйста, продолжайте. Должен повиниться: не могу уследить за извивом вашей мысли. Если нас боятся, то почему нападают? И почему творят этот пи... кха, вот это?

— Манеры солдат — не то, что может меня смутить или задеть, — произношу с усмешкой. — Я знаю, что военные... довольно специфичные люди. Особенно те, которые действительно военные, а не специалисты по парадным выступлениям и ресторанным баталиям. А что касается моих рассуждений, то их смысл довольно прост: чувство внутренней неполноценности, неуверенности за свою судьбу, ужаса перед происходящим или грядущим — они и подобные им толкают на то, чтобы попытаться хоть как-нибудь уверить себя в собственной силе. Страх и боль в чужих глазах, ощущение власти над жизнями других людей — они даруют такую иллюзию. Однако себя не обманешь, — добавляю с кривой усмешкой.

Ведь говорила я в том числе и о себе.

Да... Я помню, что ощущала после побега сестры. Боль, тоска, жгучая обида на предательницу,

злость... страх, безнадёга и ненависть от осознания безрадостного будущего, уготованного командирами для меня и для Отряда. Помню, как пыталась утопить это в кроваво-тошнотворном, отдающим приближающимся безумием месиве из наркотиков, чужой крови и бессмысленной жестокости. Я была глупа, слаба и слепа. Не видела выхода и считала, что выбранное средство спасает меня от страданий. Но оно не исцеляло раны, лишь всё глубже толкало в липкий и смрадный туман сумасшествия, заставляя нести боль и смерть окружающим, без цели и смысла умножать мировую несправедливость. Потворствуя, быть может, и твари в моём тейгу.

А ведь чтобы это всё понять, чтобы найти путь к настоящему спасению себя и близких — требовалось сделать всего лишь шаг и, совершив не такое уж большое усилие, взглянуть на происходящее непредвзято. Увы, для многих этот шаг длиннее жизни. Да и мне, чтобы прозреть, в общем-то, потребовалась вспомнить своё прошлое воплощение.

Неслышно вздохнув, я продолжила свою, несколько расходящуюся с мыслями, речь:

— То, что ты с упоением унижаешь и уничтожаешь слабых, не делает тебя сильным. Отчасти даже наоборот. Только вот мало кто понимает причины своих поступков и их глубинные мотивы. Не хотят понимать, предпочитая приятную иллюзию болезненной правде. Поэтому червячок осознания собственной уязвимости продолжает глодать сердце, толкая на всё новые и новые попытки самоутвердиться. Тот, кто уверен в себе и своём будущем, не станет тратить силы и время на такое, — взмахнув рукой, указываю на замученных крестьян.

Мои слушатели послушно переводят взгляд, чтобы сначала поморщиться, стиснуть зубы или печально покачать головой, а потом кивнуть или иным образом выразить своё согласие.

— Это не рациональный поступок: фронт ещё далеко, нет смысла пытаться запугивать население и, уничтожая деревни, рушить логистику. Скорее наоборот: подобные налёты озлобят поселян и побудят готовиться к обороне. Толпа вооружённых деревенских мужиков, которые сражаются за себя и свои семьи, зная, что отступать некуда и участь сдавшихся будет ужасна — это не то же самое, что толпа замордованных дворянами крестьян, которые и сами любят государство и представляющих его чиновников ничуть не больше представителей войск вторжения. При определённых обстоятельствах они даже могли бы встать на сторону Сейки. Могли бы... Поэтому я считаю, что это, — новый взмах рукой, — всего лишь истеричная попытка мелких разбойных людишек, поддержанных не менее мелкими хитрецами из Северного королевства, убедить себя в собственной силе и важности. Думаю, они все подспудно понимают, что их не ждёт ничего хорошего. Вот и убеждают себя в том, что это не так. Такими же низкими, как и они сами, способами.

— Вы не станете возражать, если я добавлю вашу речь в статью? — поинтересовался у меня один из журналистов, что стоял неподалёку от нас и неустанно черкал карандашом в блокноте.

— Не стану, — с вежливой улыбкой отвечаю ему.

С чего бы мне возражать, если вся беседа — в том числе и эмпатическое влияние на лейтенанта Гера и журналистов — затевалась именно для этого? Да и говорила я... не то чтобы неправду, просто игнорировала неудобные моменты, выпячивала нужные и интерпретировала их в желаемом ключе. Чтобы получилась практически готовая статья с громким заголовком и привлекающим внимание содержанием, да.

Потом, когда публика заинтересуется, можно будет продолжить серию вещами поскучнее. Естественно, сочинять тексты для новых статей буду уже не я, а те, кто занимается этим профессионально. Контроль написанного тоже возьмут на себя иные люди. Но для первичного привлечения аудитории, которое заставит перепечатывать статью в других изданиях, шокирующие фотографии и громкое имя — а восточная часть северного региона Империи не так чтобы очень далеко от северо-востока, где я недавно хорошенько пошумела и, прямо скажем, прославилась — не просто нужны, они необходимы.

«Что ни говори, а правильное освещение своих действий перед, хм, публикой — штука полезная, — подумала я, глядя на репортёра, который стал втрое активнее черкать у себя в блокноте. — Даже журналисты — по идее, те ещё прожжённые, изрядно циничные типы — и те, хм, вспыхнули».

Конечно, можно щедрее заплатить или надавить на репортёров, дабы мотивировать их сделать максимально качественную статью. Но из-под палки люди работают хуже, чем из собственного вдохновения (подкреплённого материальными выгодами, разумеется).

Да и горизонтальные связи налаживать нужно. Пусть егеря делятся информацией, распространяя нужные слухи в среде других войск. А то чувствую я, что с местными элитами у нас подружиться вряд ли получится. В отличие от наместника северо-востока, эти живут в каком-то своём отдельном мире, где не существует ни войны, ни связанных с ней проблем. Те

ещё чудачки, по сравнению с которыми дворяне и чиновники северо-восточного региона — постоянно бурлящего и не дающего расслабиться — выглядят вполне деятельными и компетентными.

Да... а ведь когда-то я их ругала. Всё познаётся в сравнении, однако!

Касаемо журналистов: это лишь кажется, что они и испытываемые ими чувства мало что значат; на самом деле у них есть своя аудитория, а у той — знакомые, знакомые знакомых и так далее. И, естественно, я пусть и торопилась, но постаралась найти достаточно приличных людей, в ком идея донесения истины превалирует над жаждой наживы. Да и не на них одних я хочу сделать ставку. Впрочем, последнее и так очевидно.

— Надеюсь, вы процитируете именно мои слова, а не искажённый пересказ, — взглянув на увлечённо черкающего мужчину, произношу с вежливым предупреждением в голосе. — Я знаю, ваша братия частенько грешит искажением фактов в угоду красоте подачи. Вы ведь не обманете доверие скромной разведчицы и не станете так делать? — дополняю для совсем уж непонятливых. — А если кто-то попросит так поступить — не стесняйтесь обращаться к любому из моей команды. Они мне передадут, а я уже разберусь с тем, кто и для чего пытался на вас давить.

Зачем эти завуалированные угрозы, если я сама только что хвалилась, будто подбирала нужных людей и воздействовала на них через эмпатию-деэмпатию? Ну, помимо вспышки подозрительности, то есть? Всё просто: это сейчас наши гости из местных СМИ настроены донести до читателей правду, а вот после разговора с коллегами, начальством или заинтересованными людьми со стороны — могут и передумать, даже несмотря на полученное от нас материальное вознаграждение.

Почему-то многие считают, будто заранее оплаченная услуга становится необязательной к исполнению. Или полагают, что если заказчик не пригрозил отдельно, то в случае чего и наказывать не станет. Возиться с авансом, основной оплатой по выходу издания и, возможно, премией, как и заморачиваться каким-либо дополнительным контролем, мне не слишком хотелось — и другие дела найдутся.

Дополнительная проверка для исполнителей, опять же. Окажутся столь же хороши, как я надеюсь? Отлично. Обманут? Тоже ничего — станут уроком для следующих.

На этом, успокоив зашевелившуюся паранойю — и с чего бы вдруг она активизировалась? — я перенаправила основное внимания вовне.

— Эт вы всё хорошо говорите, уважаемые, — перебил начавшего клясться в своей неполживости журналиста один из сержантов. — Ток даж если то зверьё нас страшится, что с того? Чем оно поможет тем, кого тати уже умучили, — движение головой в сторону оставшегося с нами отделения бойцов, которые, взяв в руки топоры и пилы, занялись тем, что снимали трупы с деревьев и готовили их к захоронению. — А тем, кого умучают после? Чем пособит, ежели они от страха злее ток?

— Слова и буквы в газетах им, конечно, не помогут, — с готовностью поддержала я поддавшегося влиянию деэмпатии военного. — Они для горожан и военнослужащих отдалённых гарнизонов и грамотных жителей дальних деревень. Дабы они поняли, что не нужно паниковать — ведь зверства той стороны признак страха. Не нужно надеяться на милость врага: только не с теми союзниками, каковых он привлекает на свою сторону. Необходимо вооружаться и готовиться дать отпор, тогда духовно нестойкий противник неизбежно дрогнет. А если нет духу или сил, чтобы сражаться, но есть возможность переехать — стоит перебираться вглубь Империи или региона. Работа в тылу тоже важна.

Сержант нахмурился, очевидно, собираясь что-то возразить на мой явно пропагандистский оборот. И это даже несмотря на лейтенанта, который исподтишка показал ему кулак! Видно, что у простого — но отнюдь не глупого — деревенского мужика давно сформировалась стойкая аллергия на красивые и пустые слова вышестоящих, поэтому он, наплевав на риски, собирался спросить: а что конкретно такая красивая и красноречивая госпожа офицер собирается сделать? Или как всегда, обойдётся сотрясанием воздуха и писулькой в газете? Но я опередила этот вопрос, что без всякой эмпатии легко читался на задубевшем от солнца, ветра и мороза лице:

— Что касается тех, кого эти уроды замучают и убьют в будущем, то их не будет. Потому что не будет самих уродов, — жёстко припечатала я.

— Ура, резня! — словно маленькая девочка, радостно запрыгала Сена. — Устроим гадам кровавую бойню!

— Наша Куроме-чи покажет этим дикарям, как зверствовать! — поддержал свою сестру по разуму Кей. И почему я слышу в словах шутника не «накажет, потому что так делать нельзя», а «покажет жалким дилетантам мастер-класс ультранасилия и запредельной жестокости»? —

Да-да, она научит их строить трупную многоножку! На их собственном примере, ха-ха-ха!

А, теперь понятно.

Этот засранец так и не забыл ту мою попытку попробовать себя в плетении душ и плоти. Да, признаю, получилось не очень хорошо: не новая сущность, что на порядок превзойдёт сумму всех частей, её составляющих, а вопяще-содрогающееся агонизирующее нечто, на взгляд постороннего скорее жуткое и мерзкое, чем опасное (хотя с моей тогдашней точки зрения «танец» смотрелся забавно, да и орали трупы по-своему музыкально). Но я ведь это делала не для того чтобы развлечься (тут я отчасти лгала, так как в то время была не совсем адекватна, находясь под влиянием негативной энергии Яцуфусы). И даже не из желания поиздеваться, воздавая «грешникам» по заслугам (хотя нехорошие личности, послужившие неудавшемуся творению материалом, вполне такого заслуживали).

Нет, основной причиной стало желание познать пределы своих сил и по возможности их расширить.

Например, теперь я знаю, что кучка испытывающих страдания полупробуждённых немёртвых плохо поддаётся контролю. Чтобы следующий соборный конструкт нормально работал, в него нужно внедрить «погонщика» — правильно подготовленную сильную душу или подчинённую тёмную сущность. Обитатель моего кинжала, он же демонический плеер, вполне сгодится. Таким образом, раба даже можно усилить: не скармливая ему души целиком, но питая «бульончиком» из страданий и ненависти составных частей конструкта, а также жизни и боли его жертв.

Да, пожалуй, я не стану ругать Кей Ли за эту его подколку. Всё же идею он мне подал неплохую. Хотя, конечно, портить впечатление о себе и заниматься изысканиями прямо сейчас, практикуясь на виновниках разыгравшейся в деревне трагедии, я не стану. В конце концов, война закончится не завтра, а на Севере ещё много солдат и дикарских племён. Что до «возмездия злодеям», то пусть этим занимаются хозяева нематериальных планов; с меня достаточно и того, что человеческого мусора станет меньше. Всё равно он не переведётся, и материала для бесчеловечных экспериментов у меня в ближайшие десятки лет будет вдоволь.

С данной мыслью я весело улыбнулась и подмигнула шутнику. Правда, тот подобной моей реакции отчего-то не обрадовался, а, наоборот, поёжился.

Кажется, даже не совсем наигранно.

— Следопыты говорят, что нашли на дороге следы лошадиных копыт. Их там три сотни, не меньше, — выслушав доклад подбежавшего к нему солдата, сказал досадливо скривившийся лейтенант. — Даже если половина или две трети лошадей вьючные и заводные, то нам их не разбить. Это не десять лет назад, когда у разбойного люда были только луки и дульнозарядные пукалки. Сейчас и обычные северные бандиты вооружены чуть ли не лучше имперской армии. А уж завербованные Сейки кланы... Нужно запрашивать подкрепление. Но его не будет, — сжав челюсть, сквозь зубы добавил он. — И даже случись чудо, оно не успеет. Скорее всего, разбойники ещё не ушли за границу, их тормозят телеги с награбленным и скотина. Но завтра их на территории Империи точно не будет. А у нас приказ: «Не провоцировать Север и не пересекать их границу».

— Ты проиграл, — ухмыльнулась Сена, ткнув брюнета в бок.

— Не-не, подожди, подруга, — мотнул тот головой. — Я не верю, что здесь хуже, чем было на северо-востоке. Там они от междоусобной войны вот на таком вот милиписечном расстоянии висели! — парень продемонстрировал всем окружающим исчезающе малый промежуток между двумя указательными пальцами. — А ещё там недавно прошла Волна Монстров! Разве может в спокойном регионе твориться такая порнография? В плохом смысле этого слова, то есть, правильную порнографию я последним стану осуждать! Хентай — сила! — воскликнул «мастер шуток» и вознёс к небу кулак, но наткнувшись на недоумённые и непонимающие взгляды вояк и журналистов, отрядный гаер понял, что «не Столица, не поймут-с», и снизил уровень своего «напыха», заговорив нормально:

— Эй, лейтенант, ты же ошибся? Ты же не хотел сказать, что сейчас, когда северные племена с вами воюют, а дикари веселятся в ваших деревнях, вы их... «не провоцируете»? Нет ведь? — переспрашивал Кей глядя на физиономию Гера, что темнел буквально с каждым сказанным словом. — Ну, нет же? Это ж абсурд! Как если боевая группа Империи вместо того, чтобы прирезать парочку паршивых бунтовщиков, выкинет оружие, нагнётся, раздвинет булки и задерёт головы. Чтобы врагам было удобнее сначала засадить им по самые помидоры, а потом вскрыть сладострастно подставленные глотки. Я даже в манге такое не встречал!.. почти. Не могут же местные начальники разом заболеть эпидемией суицид-куколдизма?!

Подчинённые лейтенанта, что слышали эмоциональный спич Кея, в хмурости физиономий не отставали от своего офицера, некоторые даже отрывались от своего мрачного труда, дабы сплунуть себе под ноги или просто тихонько матерились, снимая и таская задубевшие тела. Они явно «очень любили» наделённых властью, хм, куколдов.

— Про колдизм не понял, не знаю, что это, — начал говорить Гер.

— Это те извращенцы, которым нравится, чтобы их унижали и измывались по-всякому, — перебив собеседника, с готовностью подсказал шутник. — Или смотреть, как это с их жёнами делают. Возбуждает их такое, ха-ха. Субчики, вроде ваших старших командиров и администрации провинции, — радостно оскалился он.

— Не знал, — серьёзно кивнул мужчина. — Но... да, последние приказы у нас... странные. — Судя по эмоциям, Гер хотел выразиться покрепче, однако вспомнив, что разговаривает с представителями разведки, сдержался. В то, что мы являемся провокаторами, он уже не верил, но некую вполне понятную настороженность сохранял. И к нам, и к профессионально-любопытным журналистам. — И на фронте всё плохо. Это все знают, не секрет, — продолжил он. — Армия не подготовлена к сражению, но имеет боевой дух, а генералы только и могут, что командовать спрямлять фронт и избегать провокаций. Солдаты ропщут, не понимают — они сражаются или что? Теряют последний настрой к драке. Особенно те, кто раньше служил в гарнизонах Северного королевства. Если бы этот проклятый Сейка выбрал нас главным направлением атаки, то... Провинция могла перейти ему в руки почти без боя, — покачал он головой под согласный ропот присутствующих вояк или просто проходящих мимо — и любопытно замедляющих шаг — озадаченных приказами солдат.

— Господин лейтенант, а как же Красный Джон и его парни? — спросил один из помощников лейта. — Их же до сих пор не сковырнули, не?

— Генерал Джон и гарнизон его крепости выбиты с позиций. Они самовольно решили отбиваться и уже третью неделю сидят в окружении на развалинах старых укреплений, — ещё сильнее нахмурился Гер. — Может, из-за них у нас тут только разбойники резвятся, а не полное дерьмище творится. Вы все знаете, что про него говорит северный наместник и его подпевалы, — разоткровенничался он.

Похоже, нам удалось внушить офицеру достаточно доверия, чтобы он позволил себе высказываться на столь... ещё не крамольные, но достаточно скользкие темы. Без применения трюков с манипуляцией эмоциями, прощу заметить!

Что ж, хорошо, пока всё идёт в соответствии с планом.

— Понял? — вновь пихнула юмориста пурпуровласая убийца. — Давай-давай, проиграл — значит, проиграл! Надо было больше слушать нашу умную и красивую главу, а не драконить бедную Акиру. Или ты в самом деле думал, что наша армия только из-за таланта северного принца все сражения продула?

— Тц, тц, держи, — Кей передал девушке монету. — В этом пари ты победила. Но не думай, что это надолго! Может, в других провинциях всё иначе.

— Сомневаюсь, — сказала я. — Судя по тем бумагам, что до меня дошли от местных агентов, проблемы у региона почти такие же, как были у имперской администрации Северного королевства. Хотя не будем забегать вперёд. Нам ещё предстоит познакомиться с губернатором провинции и гостящим у него изгнанным наместником. Касаемо приказа «не провоцировать» обнаглевших разбойников, — повернулась я к лейтенанту. — Как я уже говорила, моя команда вне компетенции местных властей, так что нас он не касается. Если ваши следопыты проведут ребят по следам преступников, то они устранят эту проблему.

— При всём моём уважении, но нападать на две-три сотни вдесятером... У этих упырей ведь и свои воители могут найтись. Эти уроды не простая разбойная шваль.

— Думаю, хватит и одной пятёрки, — улыбнулась я. — Всё-таки мы не обычные воители. Да и наших друзей из газеты я обещала доставить назад в город по воздуху.

— Хочешь отправить мою группу? — спросил Хан.

— Угу. Хотя если кто-то желает отправиться вместе со мной в гости к большим шишкам или, наоборот, предпочтёт охоту на свежем воздухе, то пусть меняются. Проблем с взаимодействием быть не должно.

— Я хочу вместе с тобой во дворец, — словно прилежная школьница подняла руку Сена.

— И я, — с кивком поддержала её Анна.

— А как же резня, которую ты так радостно возгласила? — интересуюсь с лёгкой насмешкой.

— Резня у нас, считай, каждый вторник, — махнула рукой эта легкомысленная особа. — А на самом настоящем балу я ещё никогда не была! Хочу на бал! — совершая танцевальные движения, воскликнула тихая убийца.

Лейтенант, журналисты и некоторые бойцы неодобрительно косились на одинокую фигурку, которая беззаботно танцевала с невидимым партнёром... на фоне тел множества принявших страшную смерть людей, коих солдаты стаскивали с деревьев и складывали неподалёку. Впрочем, другая часть мужчин уделяла больше вниманию ладной фигурке грациозно двигающейся девушки, а не контексту.

Люди быстро ко всему привыкают. Ещё пару десятков минут назад они испытали шок, некоторых даже тошнило. И вот уже по прошествии короткого времени недавно кошмарные виды превратились в фон, на который можно не обращать внимания.

Хотя это же военные и журналисты. Тут надо удивляться не быстрому привыканию к могильной обстановке, а тому, что мертвецы вообще смогли их задеть.

— Хан? — посмотрела я на лидера группы В.

— Мы и втроём справимся, — пожал плечами здоровяк, выглядящий старше своего возраста. — Судя по ранам на телах и следам в деревне, сильных воителей среди бандитов нет. Это не племя изменённых или охотников на монстров, чтобы иметь силы противостоять трём Воинам. Иначе они бы атаковали мелкий город, а не крупную деревню, — логично заключил обстоятельный обладатель короткой щетины и низкого хвоста тёмных волос.

— Впятером пойдём, — поправил его Бэйб.

— Мы не хотим на бал, там нет ничего интересного, — дополнил Ямато своего друга и постоянного партнёра по игре в имперскую версию нарда.

— Вот и хорошо, — кивнула я. — А теперь, лейтенант Гер, не могли бы вы рассказать мне о генерале Джоне. Почему он «красный», не потому ли, что рыжий? А ещё, он случайно не Мастер Боя, переехавший из Столицы?

* * *

Где-то в недалёком будущем.

— Жестокость признак слабости, значит? — отложив принесённую верным Ривером газету, негромко хмыкнула завтракающая Эсдес. — Очень... интересная мысль. И её автор тоже интересная.

Вообще-то уроженка одного из племён охотников на монстров, с детства привыкшая к суровым условиям, частенько предпочитала принимать пищу со своими солдатами, коих в некотором смысле считала своим новым племенем. Однако сейчас она не в расположении лагеря, а из возможных сотрапезников рядом только Ривер, который сослался на отсутствие аппетита и встал рядом, чтобы любоваться на принимающий пищу предмет своих вздыханий. Для девушки чувства некогда вытасченного из камеры опального генерала не являлись тайной; более того: она ещё в первую неделю их знакомства открыто сказала, что на взаимность он может не надеяться и если вздумает проявить настойчивость — пожалеет.

Но... Эсдес всегда снисходительно относилась к своим подчинённым, поэтому она не обращала внимания на не слишком надоедливые жесты галантности и плохо скрытые попытки любоваться ею. Хочет изображать преданного слугу? Пожалуйста! Но без назойливости.

Вот и сейчас она позволила «верному слуге» забрать у своей госпожи газету, наполнить опустевшую чашку горячим кофе и пододвинуть блюдо с ещё тёплыми свежеспечёнными булочками.

Краем глаза наблюдая за действиями лидера троицы Падших, повелительница льда и холода прокрутила в голове главный лейтмотив статьи и пришла к выводу, что некий смысл в нём есть, пусть он ей и не совсем приятен. Она не раз и не два видела, как крестьяне проявляют жестокость к пойманным хищникам, так же как и наблюдала за весёлыми играми детей, метящих мусор и камни в ещё живых преступников, распятых на крестах.

Одни слабаки глумятся над другими — ранее сильными и опасными, особенно в сравнении с теми трусами, что тешат себя, издеваясь над неспособными дать сдачу хищниками. Над теми, кого они не побеждали. Это и впрямь похоже на описанное в статье.

Возмущала ли её чужая жестокость? Ха-ха, конечно нет! Те, кто позволили творить над собой издевательства — сами виноваты. Они оказались слишком слабы, чтобы отбиться от врагов, и недостаточно отважны или удачливы, дабы погибнуть в бою. Если те, кому повезло чуть больше, посредством пыток неудачников желают вернуть пошатнувшуюся уверенность в себе — это их право. Но избивая заведомо слабейших, сильнее действительно не стать. Вследствие этого, ответ на вопрос: «Является ли прочитанная статья камнем в огород самой Ледяной Смерти?» — звучал как: «Скорее нет, чем да».

Эсдес нравится утверждать свою власть и силу, круша чужие армии, воителей и волю взятых в плен врагов. Нравится видеть, как вчера дерзкие и самоуверенные мужчины и женщины сегодня превращаются в молящий не делать им больно скот. Она не чувствует потребности подтверждать собственную значимость через наблюдение ужаса в глазах сломленных ею. Не чувствует ведь? Точно нет! Она ведь не слабая. Скорее наоборот: те, кто сдался и окончательно подчинился, перестают представлять интерес. И уж точно она не испытывает страха перед врагами, союзниками и кем-либо иным.

Но созерцание мук сломленных врагов доставляет ей удовольствие. Почему-то. Возможно, стоит обдумать причины.

Потом.

И да: если говорить о войне и боевых победах, пусть даже над всякими слабосилками, ей это тоже нравится. Просто нравится. Сердце бьётся быстрее, и даже та тьма, что поселилась в ней вместе с кровью демона и дарованной ею способностью повелевать льдом и холодом, откликается приятной прохладой. Безусловно, сильный враг интереснее слабаков, но где его взять? Быть может, предавшая Империю подруга поможет? Она надеялась, что так и произойдёт. Эсдес ведь в самом деле старалась помочь остановившейся в развитии женщине, слишком погрузившейся в интриги... заботливо даровав той стимул для развития и мести!

Нет, эта статья пусть и натолкнула на некоторые размышления, напрямую Эсдес не касалась. А значит, и высказывать претензии к сильнейшей воительнице Службы разведки, слова которой и послужили основой для творчества репортёра, Ледяная Смерть тоже не станет. Но она обязательно посмотрит на эту Куроме и проверит её в деле. Пусть Эсдес не в претензии —

но, делая столь громкие заявления, стоит быть готовой, что за них спросят.

К тому же... ей просто интересно.

Если набирающая известность воительница, которую некоторые не стесняются называть «второй Эсдес», окажется не очередной слабачкой, то оригинальная повелительница льда, пожалуй, с удовольствием поговорит с ней, дабы узнать, как та сумеет развернуть свою мысль. Ну а если нет, то и задумываться над блянием очередной пустышки нет смысла. Убивать или калечить её нельзя, но поставить на место и мотивировать на развитие? Это можно. Не как с Наджендой, всё же они на одной стороне, но Эсдес что-нибудь придумает.

Впрочем, высший генерал предпочла бы не обманываться в лучших ожиданиях. Она уже устала давить ничтожеств с необоснованно раздутой славой.

— Надеюсь, ты не разочаруешь меня, Куроме, — с предвкушающей улыбкой произнесла голубовласая военачальница.

— Генерал? — вопросительно произнёс Ривер, застывший неподалёку от нежно и безнадежно любимой руководительницы с видом бесконечно верного старого породистого пса.

— Не обращай внимания, Ривер. — отмахнулась Эсдес. — Просто прочла интересную статью за авторством интересной... возможно, личности.

— Если вы об этой настырно лезущей во все щели малолетней выскочке, то вы зря обратили на неё внимание, — с неприязнью к означенной разведчице и плохо скрываемыми нотками ревности проговорил сероволосый усач. — Обычная карьеристка, готовая на всё, чтобы её заметили и продвинули.

— Ты ведь сам говорил, что она победила Стэна из Храма Коукен за один ход?

— Очередной подлый трюк или какие-то алхимические средства, — едва заметно поморщился опальный генерал. — По слухам, разведка не гнушается вещей и похуже.

— Сила есть сила, — не согласилась его госпожа. — Даже если ты прав и применялась алхимия, то она стала лишь множителем для личных способностей. Ноль на что ни умножай — останется нолём. Ты ведь не станешь говорить, что хозяева тейгу пользуются «подлыми трюками»?

— Алхимия, тейгу и всё остальное — запрещены во время аттестации на ранг, — с чопорными нотками заметил Ривер.

— Знаю, — отпив кофе, ответила его собеседница. — Но разве не глупо присуждать боевые ранги по результатам единственной жестко регламентированной проверки в строго определённых условиях? Это всё равно что судить о боеспособности армии по индивидуальной подготовке отдельных солдат. Или по их умению красиво маршировать, — фыркнула девушка, вспомнив что-то одновременно смешное, глупое и раздражающее.

— Не хочу с вами спорить, госпожа, но таковы освящённые веками правила, — всё же заметил верный помощник.

— Поэтому Империя и слабеет, — кивнула Эсдес и укусила булочку. — Чтобы победить в бою, нужно смотреть вперёд, а не назад, — сказала она, проглотив очередной кусочек сдобы. — Но об этом пусть думает Онест. Наше дело — не помогать ему в благоустройстве Империи, а уничтожать врагов, которых он нам любезно поставляет, — с удовлетворением заключила военачальница.

Её, в отличие от Ривера, который «любил» премьер-министра ещё сильнее представителей Службы разведки — вон как заиграли желваки, напрягшиеся при упоминании виновника его опалы! — политика главы имперского правительства более чем устраивала. Больше врагов — больше сражений, некоторые из которых весьма интересны.

Если бы ещё не путающиеся под ногами «союзные» чинуши, торгаши и подобные им, с позволения сказать, «военные»... Увы, далеко не все создаваемые ими проблемы можно решить, вдосталь насытив (напоив) надоедливых клопов столь желанным данной братией

золотом (расплавленным).

При воспоминании о процессе недавнего «вскармливания» вороватых сребролюбцев, доставивших неприятности подчинённым войскам и лично Эсдес, в груди девушки — столь же жестокой, сколь сильной и красивой — немного потеплело.

— Как вам будет угодно, госпожа Эсдес, — произнёс один из троицы Падших, изобразив неглубокий уважительный поклон. — Но я бы на вашем месте не стал ожидать многого от одной из выкорышей Сайкю.

— Посмотрим. Лучше скажи, Няо ведь ещё не сломал того упрянца?

— Нет. Этот убийца оказался крепким орешком, — ответил ей мужчина, который с готовностью подхватил попытку сменить тему разговора на менее для него неприятную. — Он так и не выдал своих сообщников и не рассказал о местонахождении поселения их клана. Он трижды пытался откусить себе язык, дважды удавиться и один раз свернуть себе шею.

— Очень хорошо, — довольно кивнула девушка, перед тем как сделать глоток из чашки. — У меня как раз появилось настроение развлечь себя пытками. Передай Няо, чтобы он его не трогал. Этот строптивец меня заинтересовал. После того, как позавтракаю и закончу с бумагами, я сама над ним поработаю, — с оттенком садистского предвкушения произнесла та, кого часто — и заслуженно! — звали Ледяной Смертью или Ледяным Демоном.

Ривер же в это время подумал, что он даже не против проявления интереса своей госпожи к малолетней карательнице из Службы разведки... если он окажется выражен образом, схожим с тем, что ждёт ожидающего в подвале несчастного.

Примечание к части

Пункт тапкоприёма открыт)

Автор и Куроме выражают признательность тем, кто поддерживает текст на Бусте или делает пожертвования на Тёмный Алтарь Печенек.

Что попало в цепкие лапы на этой неделе: <https://author.today/work/244179> Куница от N02far. Умиравший боевой маг из почти убитого войной мира переносится в своё молодое тело. Ну, или подросток вспоминает жизнь своей взрослой версии, там непонятно.

Мир чем-то напоминает Империю с её деградировавшей аристократией, заигравшимися спецслужбами и наплевательским отношением к обычным людям и тд. Гг качается, разбирается в происходящем, пытается формировать команду (сам он одиночка, поэтому есть косяки). Понравилось подробное описание механик местной магии. Не очень понравилась боярь-составляющая (гг она тоже не нравится) и тема отношенек, которой уделено многовато (тут чистое ИМХО) внимания.

Также у автора есть серия «Крыло» и одноимённый фанфик по Наруто (раньше он висел на Самиздате, сейчас, кажется, переписывается, ещё не читал).

А.Н. — бечено.

<http://tl.rulate.ru/book/57083/5077949>